

Зося раза два вполоборота оглядывалась на меня, но, видя мое ровное, безмятежное лицо, успокоилась. Спускаясь по винтовой лестнице во двор, я полусмеясь сказал:

— Зося, мне, право, не хочется уходить отсюда...

— От госпожи Барк? — лукаво спросила она.

— Нет... от Зоси, — продолжал я.

Она искоса глянула на меня, улыбнулась и молча покачала головой.

— Зося, я через неделю снова буду у госпожи Барк... подумайте и скажите, могли бы мы с вами пойти в кино, в кабаре или просто погулять и покататься.

Она снова покачала головой и тихо сказала:

— Зачем это?.. Не надо... — но ее смеющиеся глаза снова, будто случайно глянули искоса и, встретив мой взгляд, загорелись шаловливым огоньком.

Она проводила меня через весь двор. У ворот я взял ее руку и крепко пожал.

— У нас не принято, сэр, пожимать руку при слуге, — сказала она, пытаясь отдернуть ладонь.

— У кого «у нас»? — спросил я.

— У англичан и американцев, сэр.

— А у нас, у русских, у славян, принято, а так как мы с вами не американцы, то, значит, нас это не касается... До свидания, Зося.

Девушка вдруг как-то съежилась, испуганно осмотрелась по сторонам и неожиданно быстро, почти бегом, направилась к дому.

Я вышел на улицу. У подъезда стоял новенький военный автомобиль со странным оранжево-синим флажком на радиаторе. Шофер, посасывая трубку, читал газету и не заметил, как я, медленно проходя мимо, внимательно оглядел машину, привезшую маленького человека к журналистке Эвелине Барк.

Быстрота, с которой рабочие переделали кабинет, поразила меня. Прошло не более трех — трех с половиною часов, а работа уже была закончена. Стены комнаты обтянуты цветным шелком, все ковры и гобелены, плинтусы, карниз и подоконники сняты и заменены. Каминны прочищены, решетки надраены до режущего глаза блеска, зеркала сменены новыми, мебель унесена, а на ее место поставлены золоченые, стиля ампир, стол, кушетка, диван, козетки и еще какие-то мудреные штуки, на которые опасно было сесть, так хрупки и воздушны они были на вид.

В моем кабинете, на месте прежнего рабочего столика, высился большой, министерского типа, письменный стол со множеством ящичков, с десятком отделений, с разнообразными украшениями, с вырезанными на толстенных ножках психеями и амурами. Одна ножка изображала Вакха, сидящего на раздувшемся бурдюке с вином, другая — Геркулеса, сражающегося с лернейской гидрой, третья — пьяного католического монаха XIII—XIV веков, как бы соскочившего со страниц Декамерона. Аббат пил вино из огромной чаши, а большой, круглый его живот, прикрытый сутаной, незаметно переходил в толстое и прочное подножие стола, четвертая ножка была столь фривольного и веселого характера, что даже сами рабочие, видимо, устыдившись явной откровенности вакхической группы, повернули ее к стене, плотно прижав обнаженную вакханку и догнавшего ее сатира к пышному шелку занавесей. Все стало пышно и... безвкусно. Столы с бумагами еще не были внесены. Я пошел в комнату, где находились они. У дверей стоял караул, возле которого, смешно вытаращив глаза и опасливо поводя ими по сторонам, стоял Сеоев. Завидя меня, он шагнул навстречу и, делая таинственное лицо, потянул за рукав в сад. Там

— Очень просто. Не обнаруживать, что мы знаем о микрофоне. Говорить о разных пустяках. Делать вид, что вы верите этой даме, увлечены ею, иногда вести деловые, но не очень серьезные разговоры. Интересоваться пустяками, перемешивая их с деловой беседой. Словом, запутать ведущих слежку врагов, а все что необходимо записывать на бумаге и отвечать так же, сейчас же уничтожая записи. Наиболее важные разговоры вести в саду или у меня, в женской половине дома. Прикинемся наивными барашками.

— Кто знает о микрофоне?

— Я, вы и Сеоев. Комнаты, в которых работает остальной коллектив, не тронуты рабочими, потому что в них и нет нужды нашим подслушивателям. А теперь подумайте о том, как вы будете рассказывать мне о мистрисс Эвелине, побольше восторга и чувства, дорогой Александр Петрович, хотя подбавьте немного и наивного опасения. Через полчаса я буду у вас в кабинете.

— Есть, товарищ генерал, — и я, сопровождаемый молчащим Сеоевым, пошел на свою, европейскую сторону дома.

— А-а, привет, милейший Александр Петрович, уже вернулись? — идя мне навстречу, весело сказал генерал. — Обедали или еще нет?

— Нет, товарищ генерал, да что-то и не хочется, — ответил я.

— Ну, в таком случае, выпьем чайку, а вы тем временем рассказывайте, как вас встретила ваша журналистка. Кто был, какое оставила впечатление хозяйка, чем угощала? Словом, выкладывайте все, как на духу, — и он напоминаяще указал мне пальцем на ножку письменного стола. Я молча кивнул.

Быстрота, с которой рабочие переделали кабинет, поразила меня. Прошло не более трех — трех с половиною часов, а работа уже была закончена. Стены комнаты обтянуты цветным шелком. Все ковры и гобелены, плитусы, карниз и подоконники сняты и заменены. Каминны прочищены, решетки надраены до режущего глаза блеска, зеркала сменены новыми, мебель унесена, а на ее место поставлены золоченые, стиля ампир, стол, кушетка, диван, козетки и еще какие-то мудреные штуки, на которые опасно было сесть, так хрупки и воздушны они были на вид.

В моем кабинете, на месте прежнего рабочего столика, высился большой, министерского типа, письменный стол со множеством ящичков, с десятком отделений, с разнообразными украшениями, с вырезанными на толстенных ножках психеями и амурами. Одна ножка изображала Вакха, сидящего на раздувшемся бурдюке с вином, другая — Геркулеса, сражающегося с лернейской гидрой, третья — пьяного католического монаха XIII—XIV веков, как бы соскочившего со страниц Декамерона. Аббат пил вино из огромной чаши, а большой, круглый его живот, прикрытый сутаной, незаметно переходил в толстое и прочное подножие стола, четвертая ножка была столь фривольного и веселого характера, что даже сами рабочие, видимо, устыдившись явной откровенности вакхической группы, повернули ее к стене, плотно прижав обнаженную вакханку и догнавшего ее сатира к пышному шелку занавесей. Все стало пышно и... безвкусно. Столы с бумагами еще не были внесены. Я пошел в комнату, где находились они. У дверей стоял караул, возле которого, смешно вытаращив глаза и опасливо поводя ими по сторонам, стоял Сеоев. Завидя меня, он шагнул навстречу и, делая таинственное лицо, потянул за рукав в сад. Там

— Очень просто. Не обнаруживать, что мы знаем о микрофоне. Говорить о разных пустяках. Делать вид, что вы верите этой даме, увлечены ею, иногда вести деловые, но не очень серьезные разговоры. Интересоваться пустяками, перемешивая их с деловой беседой. Словом, запутать ведущих слежку врагов, а все что необходимо записывать на бумаге и отвечать так же, сейчас же уничтожая записи. Наиболее важные разговоры вести в саду или у меня, в женской половине дома. Прикинемся наивными барашками.

— Кто знает о микрофоне?

— Я, вы и Соев. Комнаты, в которых работает остальной коллектив, не тронуты рабочими, потому что в них и нет нужды нашим подслушивателям. А теперь подумайте о том, как вы будете рассказывать мне о мистрисс Эвелине, побольше восторга и чувства, дорогой Александр Петрович, хотя подбавьте немного и наивного опасения. Через полчаса я буду у вас в кабинете.

— Есть, товарищ генерал,— и я, сопровождаемый молчащим Соевым, пошел на свою, европейскую сторону дома.

— А-а, привет, милейший Александр Петрович, уже вернулись? — идя мне навстречу, весело сказал генерал. — Обедали или еще нет?

— Нет, товарищ генерал, да что-то и не хочется,— ответил я.

— Ну, в таком случае, выпьем чайку, а вы тем временем рассказывайте, как вас встретила ваша журналистка. Кто был, какое оставила впечатление хозяйка, чем угощала? Словом, выкладывайте все, как на духу,— и он напоминающе указал мне пальцем на ножку письменного стола. Я молча кивнул.

— Чаек попью с удовольствием, тем более, что госпожа Барк угостила меня, по ее мнению, русским чаем, но это было каким-то подобием чая, черным как вакса и вдобавок не заваренным, как у нас, а прямо сваренным в кипятке, словно суп.

— А-а, английский «ти»,— сказал генерал,— они так и пьют его. Хорошо еще, что не дали вам зеленого чая. Они и его тоже варят, ужасная дрянь!

— Ну, бог с ним, с чаем... Вы о ней расскажите... Что эта — сирена; обольщала вас или она действительно скромная журналистка?

— Бог знает, кто она такая, товарищ генерал. С первого раза трудно сказать, однако вела себя очень тактично, гостеприимно, ни одного слова о политике, никаких вопросов. Мне лично, прямо скажу, понравилось ее обхождение... Я ожидал совсем иного.

— Передали ей книжку?

— Передал. Вы даже не представляете себе, как она обрадовалась. Еще немного и расцеловала бы меня.

— Смотрите, Александр Петрович, как бы действительно не кончилось у вас это знакомство поцелуями. Ведь кто, кто, а я-то знаю, что вы от любой юбки начинаете таять...

Я разинул рот от изумления. Этот неожиданный поклеп возмутил меня, но генерал вдруг подмигнул и, давась от душившего его смеха, так же серьезно продолжал:

— Жениться вам надо, дорогой мой, а то первая же смазливая баба собьет вас с толку...

Говоря это, он быстро черкнул мне карандашом:

«Отрицайте, возмущайтесь, черт возьми!»

— Что вы, товарищ генерал! Ей-богу, мне это даже странно слышать... Где, ну скажите на милость, где, когда я проявил такую слабость? Ну,

иронически протянул, — дружбы будут столь же стремительны, то через месяц вы будете иметь полное собрание сочинений госпожи Барк. Однако что она настряпала в этой книжке, воображаю, какой это идилический бред, судя по ее газетным статьям.

Тут он вдруг сделал изумленное лицо и, хитро улыбаясь мне, продолжал:

— Э-э, батенька мой, портрет да еще с надписью!.. а хороша, надо признаться, если только ей не польстил фотограф.

— Она еще лучше, уверяю вас, товарищ генерал, я редко видел таких красивых женщин, — вставил я.

— Готов! — с сокрушением сказал генерал. — Пошел на дно и даже не барахтается, нет, положительно, вам нельзя больше видаться с этой сиреной!.. — сказал он.

Все это было разыграно так ловко и натурально, что слушавшие нас где-то за пределами нашего дома люди, несомненно, были в восторге от этой сцены.

— Что же она вам пишет такое? — сказал генерал. — Я что-то не разберу ее почерка, типично женский, мелкий, кудреватый и неразборчивый...

— Давайте я...

— Нет, нет, голубчик, разберусь... а, вот что... а, вот что... — и он медленно и внятно прочел написанные госпожей Барк слова. — «Может быть знакомому, может быть другу, а может быть и... На память об Иране. Август 1943 года». А может быть и... — повторил генерал, — что означают эти многоточия?

— Не знаю, — сказал я.

Я действительно не знал, так как не успел еще даже раскрыть подаренной книги.

— А я знаю, — засмеялся генерал, — все ясно... а может быть и... — Он сделал паузу и громко произ-

— Чаек полью с удовольствием, тем более, что госпожа Барк угостила меня, по ее мнению, русским чаем, но это было каким-то подобием чая, черным как вакса и вдобавок не заваренным, как у нас, а прямо сваренным в кипятке, словно суп.

— А-а, английский «ти», — сказал генерал, — они так и пьют его. Хорошо еще, что не дали вам зеленого чая. Они и его тоже варят, ужасная дрянь!

— Ну, бог с ним, с чаем... Вы о ней расскажите... Что эта — сирена, обольщала вас или она действительно скромная журналистка?

— Бог знает, кто она такая, товарищ генерал. С первого раза трудно сказать, однако вела себя очень тактично, гостеприимно, ни одного слова о политике, никаких вопросов. Мне лично, прямо скажу, понравилось ее обхождение... Я ожидал совсем иного.

— Передали ей книжку?

— Передал. Вы даже не представляете себе, как она обрадовалась. Еще немного и расцеловала бы меня.

— Смотрите, Александр Петрович, как бы действительно не кончилось у вас это знакомство поцелуями. Ведь кто, кто, а я-то знаю, что вы от любой юбки начинаете таять...

Я разинул рот от изумления. Этот неожиданный поклеп возмутил меня, но генерал вдруг подмигнул и, давась от душившего его смеха, так же серьезно продолжал:

— Жениться вам надо, дорогой мой, а то первая же смазливая баба собьет вас с толку...

Говоря это, он быстро черкнул мне карандашом:

«Отрицайте, возмущайтесь, черт возьми!»

— Что вы, товарищ генерал! Ей-богу, мне это даже странно слышать... Где, ну скажите на милость, где, когда я проявил такую слабость? Ну,

иронически протянул, — дружбы будут столь же стремительны, то через месяц вы будете иметь полное собрание сочинений госпожи Барк. Однако что она настряпала в этой книжке, воображаю, какой это идилический бред, судя по ее газетным статьям.

Тут он вдруг сделал изумленное лицо и, хитро улыбаясь мне, продолжал:

— Э-э, батенька мой, портрет да еще с надписью!.. а хороша, надо признаться, если только ей не польстил фотограф.

— Она еще лучше, уверяю вас, товарищ генерал, я редко видел таких красивых женщин, — вставил я.

— Готов! — с сокрушением сказал генерал. — Пошел на дно и даже не барахтается, нет, положительно, вам нельзя больше видеться с этой сиреной!.. — сказал он.

Все это было разыграно так ловко и натурально, что слушавшие нас где-то за пределами нашего дома люди, несомненно, были в восторге от этой сцены.

— Что же она вам пишет такое? — сказал генерал. — Я что-то не разберу ее почерка, типично женский, мелкий, кудреватый и неразборчивый...

— Давайте я...

— Нет, нет, голубчик, разберусь... а, вот что... — и он медленно и внятно прочел написанные госпожей Барк слова. — «Может быть знакомому, может быть другу, а может быть и... На память об Иране. Август 1943 года». А может быть и... — повторил генерал, — что означают эти многоточия?

— Не знаю, — сказал я.

Я действительно не знал, так как не успел еще даже раскрыть подаренной книги.

— А я знаю, — засмеялся генерал, — все ясно... а может быть и... — Он сделал паузу и громко произ-

нес: — ...и возлюбленному. Вот чего не договорила ваша журналистка, мой уважаемый Дон Жуан.

Говоря это, он взял со стола карандаш и быстро написал на бумаге:

«А может быть и... врагу... Умная и опасная особа эта Барк».

Я прочел написанные слова и молча кивнул головой.

— Ну, а как объяснила ваша леди эту фамилию в ее записной книжке?

— Очень просто, она, оказывается...

Но тут генерал перебил меня.

— Знаете ли что? пойдете лучше в сад... Страшно душно. Мы там, на веранде, посидим до обеда, а то я буквально истекаю потом.

И мы, шумно поднявшись, пошли к выходу.

— Черт побери, а я и не знал даже, какой в вас пропадает замечательный актер! — усаживаясь под апельсиновым деревом, сказал генерал. — Даже лицо, я уж не говорю об интонациях, переменилось.

— Постановочка такая, ведь какой режиссер-то! — сказал я. — Вы, пожалуй, любой спектакль можете поставить не хуже, чем в МХАТ, — и мы оба рассмеялись.

— Такое уж у нас дело, что надо уметь все и не теряться в любых условиях. А вы все это верно рассказывали о китайце, о нарядях хозяйки и прочем?

— Все правильно.

И я стал подробно рассказывать генералу о моем посещении мистрисс Барк и о смутных подозрениях, возникших у меня при этом визите. Когда же я сказал о том, что Генриетта Янковецкая здесь и что Эвелина Барк обещала на этих днях познакомиться меня с нею, генерал даже присвистнул.

— Прекрасно, — сказал он, — итого уже третья женщина появляется на нашем пути под этим име-

так беспокоит вас. Я сейчас же отдам приказ о передаче грузов русским. Вы когда хотите выехать в Султан-Абад?

— Завтра.

— Отлично! Шоссе туда исправное, и вы спустя двадцать — двадцать пять часов доедете на автомобиле.

Он позвонил по телефону и отменил распоряжение о передаче грузов жандармам. Затем вызвал адъютанта и набросал текст радиогаммы майору Стенли, начальнику американского интендантства в Султан-Абаде, распорядился передать все советские грузы, значащиеся в списке невостребованных, сдать по форме полковнику Дигорскому и сопровождающим его лицам.

— Ну, как... довольны? — спросил Чейз.

— Вполне, господин генерал.

— Мы, американцы, любим все делать решительно, четко и сразу, — хвастливо сказал Чейз, и мы перешли к очередным делам.

Вернувшись, я доложил обо всем генералу.

— Знаете ли что, Александр Петрович, — сказал он, — зачем вам тянуть и терять сутки? Отсюда ежедневно уходят самолеты до Хамадана, в Султан-Абад они идут часа два, там посадка и получасовой отдых. Отправляйтесь завтра же на пассажирском самолете, прихватите с собой Сеоева, а на автомобиле мы отправим интендантских офицеров, которые через полтора дня придут к вам. Очень может быть, что неожиданное прибытие поможет вам на месте разобраться в причинах этой жульнической комбинации с грузом.

Спустя час Сеоев купил два билета на утренний самолет, шедший к Султан-Абаду.

Завтра же днем большая грузовая машина с офицерами и шестью солдатами для охраны грузов должна была выйти на Султан-Абад.

нес: — ...и возлюбленному. Вот чего недоговорила ваша журналистка, мой уважаемый Дон Жуан.

Говоря это, он взял со стола карандаш и быстро написал на бумаге:

«А может быть и... врагу... Умная и опасная особа эта Барк».

Я прочел написанные слова и молча кивнул головой.

— Ну, а как объяснила ваша леди эту фамилию в ее записной книжке?

— Очень просто, она, оказывается...

Но тут генерал перебил меня.

— Знаете ли что? пойдете лучше в сад... Страшно душно. Мы там, на веранде, посидим до обеда, а то я буквально истекаю потом.

И мы, шумно поднявшись, пошли к выходу.

— Черт побери, а я и не знал даже, какой в вас пропадает замечательный актер! — усаживаясь под апельсиновым деревом, сказал генерал. — Даже лицо, я уж не говорю об интонациях, переменилось.

— Постановочка такая, ведь какой режиссер-то! — сказал я. — Вы, пожалуй, любой спектакль можете поставить не хуже, чем в МХАТ, — и мы оба рассмеялись.

— Такое уж у нас дело, что надо уметь все и не теряться в любых условиях. А вы все это верно рассказываете о китайце, о нарядах хозяйки и прочем?

— Все правильно.

И я стал подробно рассказывать генералу о моем посещении мистрисс Барк и о смутных подозрениях, возникших у меня при этом визите. Когда же я сказал о том, что Генриетта Янковецкая здесь и что Эвелина Барк обещала на этих днях познакомиться меня с нею, генерал даже присвистнул.

— Прекрасно, — сказал он, — итого уже третья женщина появляется на нашем пути под этим име-

так обеспокоит вас. Я сейчас же отдам приказ о передаче грузов русским. Вы когда хотите выехать в Султан-Абад?

— Завтра.

— Отлично! Шоссе туда исправное, и вы спустя двадцать — двадцать пять часов доедете на автомобиле.

Он позвонил по телефону и отменил распоряжение о передаче грузов жандармам. Затем вызвал адъютанта и набросал текст радиogramмы майору Стенли, начальнику американского интендантства в Султан-Абаде, распорядился передать все советские грузы, значащиеся в списке невостребованных, слать по форме полковнику Дигорскому и сопровождающим его лицам.

— Ну, как... довольны? — спросил Чейз.

— Вполне, господин генерал.

— Мы, американцы, любим все делать решительно, четко и сразу, — хвастливо сказал Чейз, и мы перешли к очередным делам.

Вернувшись, я доложил обо всем генералу.

— Знаете ли что, Александр Петрович, — сказал он, — зачем вам тянуть и терять сутки? Отсюда ежедневно уходят самолеты до Хамадана, в Султан-Абад они идут часа два, там посадка и получасовой отдых. Отправляйтесь завтра же на пассажирском самолете, прихватите с собой Сеоева, а на автомобиле мы отправим интендантских офицеров, которые через полтора дня приедут к вам. Очень может быть, что неожиданное прибытие поможет вам на месте разобраться в причинах этой жульнической комбинации с грузом.

Спустя час Сеоев купил два билета на утренний самолет, шедший к Султан-Абаду.

Завтра же днем большая грузовая машина с офицерами и шестью солдатами для охраны грузов должна была выйти на Султан-Абад.

Небольшой пассажирский самолет типа «Дуглас» готов к отлету. Аэродром в Тегеране такой же, как и всюду, — гладкое, ровное поле, обнесенное проволочной изгородью с бетонированными дорожками. Два иранца в европейском платье, в мягких соломенных шляпах, суетливо лезут в машину, где уже сидит жена одного из них, молодая женщина с открытым, миловидным лицом. Они летят в Хамадан, четвертый спутник — майор из отряда, расквартированного в Луристане. Он охотно рассказывает о лурах, среди которых живет уже третий год.

— Штаб нашего отряда стоит в самом центре края, в городе Хурем-Абаде, мы же расквартированы ближе к Хамадану — в Буруджерде. Это тоже город луров, он окружен огромной глинобитной стеной, в самом же городе имеется «арк», то есть крепость, в свою очередь обнесенная еще более высокими и толстыми стенами. Они так массивны, что десять лет назад, когда было в горах восстание и отряды луров подходили в Буруджерду, мы палили по ним из пушек, установленных прямо на площадках стен.

— А как теперь там, тихо? — спрашивает пятый пассажир. Это бледный, тощий юноша, посланный в Луристан отцом, крупным тегеранским коммерсантом, по торговым делам.

— Совершенно спокойно... А что? — интересуется офицер.

Мне придется быть и в Буруджерде и в Довлет-Абаде, в Туле, — говорит юноша. Тревожный огонь теплится в его глазах.

— Можете чувствовать себя, как в Тегеране, — успокаивает его офицер. — Дороги безопасны, они охраняются конной жандармерией, всюду посты, заставы. Гарнизоны наши есть во всех крупных пунктах края, вдобавок же луры, как вам, вероятно, известно, разоружены после мятежа.

ром глаза. В потных ладонях бедняков лежат плотно зажатые шай и с трудом заработанные серебряные краны, которые через несколько минут перейдут в широкие карманы духовных отцов.

Мечети, муллы и сеиды — вот отличительная черта этого небольшого и крайне реакционного городка, в котором на двух жителей приходится один мулла или ахунд. Все наиболее реакционные муллы, известные своей нетерпимостью к новшествам и реформам, — выходцы из Кума, или питомцы его духовных школ. Сюда, как и в Кербалу, привозят мертвецов для того, чтобы они могли в недрах «священной земли» ждать страшного суда. Все это стоит больших денег, поэтому только состоятельные люди завещают похоронить их в Куме, Мешед или Кербале. Много мечетей, маленький базар и огромные кладбища — вот колорит этого непривлекательного городка. Здесь все охвачено религиозным дурманом, ханжеской имитацией, подделкой под свою собственную Мекку. Сюда по временам совершают паломничество верующие, приходящие издалека. Деньги и приношения текут изо всей страны для того, чтобы сотни жирных, обленившихся бездельников, ханжески закатывая глаза, часами проводили споры и беседы о такой белиберде, как, например, какого цвета был крылатый конь Магомета, Аль-Баррак, на котором пророк возносил на небо, или же, какой величины должны быть ногти правоверного шиита, когда он в Мекке прикасается к Бей-Туллаху.

Крестьянская масса Ирана кормит три таких «священных» города-паразита — Кум, Мешед (недалеко от границ советского Туркестана), где находится прах «святого» имама Резы и, наконец, город Кербала (в Месопотамии). Тысячи мулл, ахундов, алимов и прочих бездельников и объедал отлично живут в голодной, нищей стране.

Небольшой пассажирский самолет типа «Дуглас» готов к отлету. Аэродром в Тегеране такой же, как и всюду, — гладкое, ровное поле, обнесенное проволочной изгородью с бетонированными дорожками. Два иранца в европейском платье, в мягких соломенных шляпах, суетливо лезут в машину, где уже сидит жена одного из них, молодая женщина с открытым, миловидным лицом. Они летят в Хамадан, четвертый спутник — майор из отряда, расквартированного в Луристане. Он охотно рассказывает о лурах, среди которых живет уже третий год.

— Штаб нашего отряда стоит в самом центре края, в городе Хурем-Абаде, мы же расквартированы ближе к Хамадану — в Буруджерде. Это тоже город лулов, он окружен огромной глинобитной стеной, в самом же городе имеется «арк», то есть крепость, в свою очередь обнесенная еще более высокими и толстыми стенами. Они так массивны, что десять лет назад, когда было в горах восстание и отряды лулов подходили в Буруджерду, мы палили по ним из пушек, установленных прямо на площадках стен.

— А как теперь там, тихо? — спрашивает пятый пассажир. Это бледный, тощий юноша, посланный в Луристан отцом, крупным тегеранским коммерсантом, по торговым делам.

— Совершенно спокойно... А что? — интересуется офицер.

Мне придется быть и в Буруджерде и в Довлет-Абаде, в Тулэ, — говорит юноша. Тревожный огонь теплится в его глазах.

— Можете чувствовать себя, как в Тегеране, — успокаивает его офицер. — Дороги безопасны, они охраняются конной жандармерией, всюду посты, заставы. Гарнизоны наши есть во всех крупных пунктах края, вдобавок же луры, как вам, вероятно, известно, разоружены после мятежа.

ром глаза. В потных ладонях бедняков лежат плотно зажатые шаи и с трудом заработанные серебряные краны, которые через несколько минут перейдут в широкие карманы духовных отцов.

Мечети, муллы и сейды — вот отличительная черта этого небольшого и крайне реакционного городка, в котором на двух жителей приходится один мулла или ахунд. Все наиболее реакционные муллы, известные своей нетерпимостью к новшествам и реформам, — выходцы из Кума, или питомцы его духовных школ. Сюда, как и в Кербалу, привозят мертвецов для того, чтобы они могли в недрах «священной земли» ждать страшного суда. Все это стоит больших денег, поэтому только состоятельные люди завещают похоронить их в Куме, Мешед или Кербале. Много мечетей, маленький базар и огромные кладбища — вот колорит этого непривлекательного городка. Здесь все охвачено религиозным дурманом, ханжеской имитацией, подделкой под свою собственную Мекку. Сюда по временам совершают паломничество верующие, приходящие издалека. Деньги и приношения текут из всей страны для того, чтобы сотни жирных, обленившихся бездельников, ханжески закатывая глаза, часами проводили споры и беседы о такой белиберде, как, например, какого цвета был крылатый конь Магомета, Аль-Баррак, на котором пророк возносил на небо, или же, какой величины должны быть ногти правоверного шиита, когда он в Мекке прикасается к Бей-Туллаху.

Крестьянская масса Ирана кормит три таких «священных» города-паразита — Кум, Мешед (недалеко от границ советского Туркестана), где находится прах «святого» имама Резы и, наконец, город Кербала (в Месопотамии). Тысячи мулл, ахундов, алимов и прочих бездельников и обедал отлично живут в голодной, нищей стране.

Самолет делает крен и уходит вправо. Темное, мерцающее пятно ползет, расплывается и гаснет в мутно-голубом небе. Мы все дальше уходим в сторону Султанабадских гор. Мой сосед офицер подрывает, изредка сонно приоткрывая глаза. Юноша-купец съехал и посерел. Большеглазая иранка уже свылась с покачиванием самолета. Иногда она что-то говорит мужу и, видя, что он не слышит ее, улыбается, показывая белые, красивые зубы. Сеоев крепко спит. Его не интересует развернувшаяся картина.

На горизонте растет огромное село Совэ. Оно все в садах, маленькая речушка проходит посреди него. Длинный караван, пыля, подходит к горбату мосту. Еще несколько минут, и мы пролетим над этим мирным провинциальным городком... но что это? Взмолнованно блестят глаза механика, лицо его побагровело. Пилот оглядывается назад, но механик уже спешит к нему. Юноша-меланхолик испуганно открывает рот, его глаза округляются. В кабине пилота что-то с силой рвется и брызжет вокруг. Тяжелые капли разлетаются повсюду.

Женщина в страхе закрывает руками глаза. А брызги с новой силой летят вверх, вниз и по сторонам. Самолет ныряет, затем снова выпрямляется и делает над полем небольшой круг. Гул мотора стихает. Пилот выключил его и идет на посадку.

Испуганные грачи разлетаются по сторонам. Из города к самолету бегут солдаты.

Вынужденная посадка. Лопнул маслопровод, и это по существу незначительное повреждение заставляет пассажиров пробыть здесь до утра. Механик, сердитый и молчаливый, угрюмо возится в машине, что-то отвинчивая и протирая, пилот, невозмутимый весельчак, скалит зубы и с удоволь-

— Тамаша!¹ — говорит он. — Я помню этот сумасшедший день. Срок замены головных уборов на шляпы кончался десятого мая, кто не успел купить таковой, того, если встречали в куляхе на голове, полиция на улице штрафовала на двадцать туманов в пользу казны... Что было-о! Все шляпы наши модники раскупили, у иностранцев старые выпрашивали. Ха-ха-ха!

— Только крестьянам да ремесленникам разрешено было ходить в своих тюбетейках да бараньих шапках.

— А кулях-пехлеви? — спрашивает Соев ухмыляясь. Как видно, сержант сам хорошо знает об этом «сумасшедшем» дне.

— А «пехлеви» стал головным убором армии.

— А как же муллы, сеиды? — спрашиваю я. Офицер пренебрежительно машет рукой.

— Этой публике досталось больше всех. Теперь чалмы носят только те муллы, которые действительно несут духовную работу, имеют место при мечети или школе. Бездельники, ранее просто носившие белую чалму, разогнаны, также и сеиды. Община уже не кормит их, как раньше только потому, что они бормочут арабские слова да называют себя потомками пророка.

— А как же Кум, Мешед?

— Э-э! Там другое дело! Эти города все еще продолжают жить по-старинке, и центральная власть пока не трогает их...

— Святые города! — поглаживая бороду, говорит раис-назмие, и по его тону нельзя понять, хвалит он их или же смеется над ними.

— Муллы с их невежеством и темнотой очень мешают новому Ирану, к сожалению, народ еще

Самолет делает крен и уходит вправо. Темное, мерцающее пятно ползет, расплывается и гаснет в мутноглубом небе. Мы все дальше уходим в сторону Султанабадских гор. Мой сосед офицер поднимается, изредка сонно приоткрывая глаза. Юноша-купец съехался и посерел. Большеглазая иранка уже свыклась с покачиванием самолета. Иногда она что-то говорит мужу и, видя, что он не слышит ее, улыбается, показывая белые, красивые зубы. Соев крепко спит. Его не интересует развернувшаяся картина.

На горизонте растет огромное село Совз. Оно все в садах, маленькая речушка проходит посреди него. Длинный караван, пыля, подходит к горбату мосту. Еще несколько минут, и мы пролетим над этим мирным провинциальным городком... но что это? Взмолнованно блещут глаза механика, лицо его побагровело. Пилот оглядывается назад, но механик уже спешит к нему. Юноша-меланхолик испуганно открывает рот, его глаза округляются. В кабине пилота что-то с силой рвется и брызжет вокруг. Тяжелые капли разлетаются повсюду.

Женщина в страхе закрывает руками глаза. А брызги с новой силой летят вверх, вниз и по сторонам. Самолет ныряет, затем снова выпрямляется и делает над полем небольшой круг. Гул мотора стихает. Пилот выключил его и идет на посадку.

Испуганные грачи разлетаются по сторонам. Из города к самолету бегут солдаты.

Вынужденная посадка. Лопнул маслопровод, и это по существу незначительное повреждение заставляет пассажиров пробыть здесь до утра. Механик, сердитый и молчаливый, угрюмо возится в машине, что-то отвинчивая и протирая, пилот, невозмутимый весельчак, скалит зубы и с удоволь-

¹ Комедия.

— Тамаша!¹ — говорит он. — Я помню этот сумасшедший день. Срок замены головных уборов на шляпы кончался десятого мая, кто не успел купить таковой, того, если встречали в куляхе на голове, полиция на улице штрафовала на двадцать туманов в пользу казны... Что было-о! Все шляпы наши модники раскупили, у иностранцев старые выпрашивали. Ха-ха-ха!

— Только крестьянам да ремесленникам разрешено было ходить в своих тюбетейках да бараньих шапках.

— А кулях-пехлеви? — спрашивает Сеоев ухмыляясь. Как видно, сержант сам хорошо знает об этом «сумасшедшем» дне.

— А «пехлеви» стал головным убором армии.

— А как же муллы, сеиды? — спрашиваю я.

Офицер пренебрежительно машет рукой.

— Этой публике досталось больше всех. Теперь чалмы носят только те муллы, которые действительно несут духовную работу, имеют место при мечети или школе. Бездельники, ранее просто носившие белую чалму, разогнаны, также и сеиды. Община уже не кормит их, как раньше только потому, что они бормочут арабские слова да называют себя потомками пророка.

— А как же Кум, Мешед?

— Э-э! Там другое дело! Эти города все еще продолжают жить по-старинке, и центральная власть пока не трогает их...

— Святые города! — поглаживая бороду, говорит раис-назмие, и по его тону нельзя понять, хвалит он их или же смеется над ними.

— Муллы с их невежеством и темнотой очень мешают новому Ирану, к сожалению, народ еще

верит этим обманщикам... — говорит офицер. Офицер, видимо, прогрессист, европейской ориентации.

— Вы не из партии «Тудэ»¹? — робко спрашивает юноша.

— Я за народ, а партия «Тудэ» является другом нации, — гордо говорит офицер.

Казенные восторги раиса-назмие вдруг стихают.

— Не-ет. Иран не Россия... У нас народ любит духовенство, — неожиданно говорит он.

— Люби-и-т? — удивленно переспрашивает офицер. И другие собеседники, видимо, тоже очень удивлены этим внезапным выводом нашего хозяина.

— Нет! Ни народ, ни интеллигенция не любят мулл, — решительно говорит муж нашей хорошенькой спутницы.

— Купечество тоже, — присоединяется тощий юноша из Тегерана.

— А армия и подавно! — снова говорит офицер.

Раис-назмие вдруг соглашается со всеми.

— Это верно! Если бы этих педер-секов² уважал народ, разве ходило бы тогда о них столько смешных историй и анекдотов... Хотите, пока не принесли ужина, я расскажу вам один из них? — спрашивает он.

Все иранцы любители хороших сказок и повествований, и, надо отдать им справедливость, они умеют слушать рассказчика не перебивая. Перебить рассказывающего что-либо человека считает-ся большим невежеством.

Сам поэт Саади говорит:

— Никто не признается в своем невежестве, кроме того, кто, слушая другого, перебивает его и сам начинает речь. Если мудрецу среди невоспи-

¹ «Тудэ» — народная прогрессивная революционная партия иранских трудящихся, запрещенная и поныне.

² Собачьих детей (персидское ругательство).

Выезжать в дорогу лучше всего в среду, безопаснее. По средам приходиться в гости неприлично. Из чисел самое скверное — 13. Нельзя на улице пройти мимо двух женщин, прошедший между ними в этот день будет несчастлив. Верное средство от застенчивости — умыться водою, которой обмывали покойника. Если возле вас на улице чихнул прохожий, в этот день неудачи будут преследовать вас, но если вы сами чихнули трижды подряд, — удача в делах обеспечена, счастье будет сопутствовать вам. Если в то время, когда вы пишете, упадет из рук перо, что-то должно случиться, но что именно, плохое или хорошее, зависит от того, как оно упадет и какое примет положение. Если чешется рука, — это к деньгам, но чесать ее надо только о подбородок, иначе деньги к вам не попадут. Если подергивается правый глаз — к слезам, если левый — то это обязательно к счастью. Если туфли иранца при снятии становятся пятками одна к другой, это значит, что об их хозяйне где-то дурно говорят и т. д. Можно было бы перечислить еще сотни таких же нелепиц, крепко вошедших в быт, сознание и привычку иранцев.

Талисманы, амулеты, ладанки... на чем и на ком только не увидишь их! Носят их от сглазу, порчи и колдовства на руках и на теле, на шее, на ногах... Они висят в домах, изгоняя бесов, и над входной дверью, препятствуя «духам» войти в человеческое жилище, и над очагом, и всюду...

Чарвадары вешают «священные» амулеты на своих верблюдов, мулов или ослов. Злые духи не посмеют приблизиться к ним, и караван сохранится в целости. Даже шоферы-иранцы и те навешивают на свои «форды», «фиаты» и «шевроле» различные талисманы, предохраняющие от дорожных катастроф. Богатые, «просвещенные» иранцы иронически посмеиваются над грубым суеверием своих сопле-

верит этим обманщикам... — говорит офицер. Офицер, видимо, прогрессист, европейской ориентации.

— Вы не из партии «Тудэ»? — робко спрашивает юноша.

— Я за народ, а партия «Тудэ» является другом нации, — гордо говорит офицер.

Казенные восторги раиса-назмие вдруг стихают.

— Не-ет. Иран не Россия... У нас народ любит духовенство, — неожиданно говорит он.

— Люби-и-т? — удивленно переспрашивает офицер. И другие собеседники, видимо, тоже очень удивлены этим внезапным выводом нашего хозяина.

— Нет! Ни народ, ни интеллигенция не любят мулл, — решительно говорит муж нашей хорошенькой спутницы.

— Купечество тоже, — присоединяется тощий юноша из Тегерана.

— А армия и подавно! — снова говорит офицер.

Раис-назмие вдруг соглашается со всеми.

— Это верно! Если бы этих педер-секов² уважал народ, разве ходило бы тогда о них столько смешных историй и анекдотов... Хотите, пока не принесли ужина, я расскажу вам один из них? — спрашивает он.

Все иранцы любители хороших сказок и повествований, и, надо отдать им справедливость, они умеют слушать рассказчика не перебивая. Перебить рассказывающего что-либо человека считает-ся большим невежеством.

Сам поэт Саади говорит:

— Никто не признается в своем невежестве, кроме того, кто, слушая другого, перебивает его и сам начинает речь. Если мудрецу среди невоспи-

¹ «Тудэ» — народная прогрессивная революционная партия иранских трудящихся, запрещенная и понижена.

² Собачьих детей (персидское ругательство).

Выезжать в дорогу лучше всего в среду, безопаснее. По средам приходиться в гости неприлично. Из чисел самое скверное — 13. Нельзя на улице пройти мимо двух женщин, прошедший между ними в этот день будет несчастлив. Верное средство от застенчивости — умыться водою, которой обмывали покойника. Если возле вас на улице чихнул прохожий, в этот день неудачи будут преследовать вас, но если вы сами чихнули трижды подряд, — удача в делах обеспечена, счастье будет сопутствовать вам. Если в то время, когда вы пишете, упадет из рук перо, что-то должно случиться, но что именно, плохое или хорошее, зависит от того, как оно упадет и какое примет положение. Если чешется рука, — это к деньгам, но чесать ее надо только о подбородок, иначе деньги к вам не попадут. Если подергивается правый глаз — к слезам, если левый — то это обязательно к счастью. Если туфли иранца при снятии становятся пятками одна к другой, это значит, что об их хозяине где-то дурно говорят и т. д. Можно было бы перечислить еще сотни таких же нелепиц, крепко вошедших в быт, сознание и привычку иранцев.

Талисманы, амулеты, ладанки... на чем и на ком только не увидишь их! Носят их от сглазу, порчи и колдовства на руках и на теле, на шее, на ногах... Они висят в домах, изгоняя бесов, и над входной дверью, препятствуя «духам» войти в человеческое жилище, и над очагом, и всюду...

Чарвадары вешают «священные» амулеты на своих верблюдов, мулов или ослов. Злые духи не посмеют приблизиться к ним, и караван сохранится в целостности. Даже шоферы-иранцы и те навешивают на свои «форды», «фиаты» и «шевроле» различные талисманы, предохраняющие от дорожных катастроф. Богатые, «просвещенные» иранцы иронически посмеиваются над грубым суеверием своих сопле-

менников, хотя у самих на пальцах блестят кольца из бирюзы (она считается хорошо действующим средством против сглаза и ворожбы) с вырезанными на ней словами: «омид» (надежда), «дин» (вера), «голь» (роза) и т. п. Зная все это, я не удивляюсь иранке, крепко прижимающей к себе детскую игрушку — раскрашенную куклу «Люлю-Хорхори», заменяющую ей талисман.

Синеющая вдали цепь гор. Они идут к югу, теряясь в розоватомолочной мгле, сливаясь с горизонтом. На предгорьях темнеет город. Это Султан-Абад. Он как на ладони стелется внизу. Вот далекие горы, идущие на Луристан. Другой сизый хребет тянется в сторону юга. Перевалы, горы, ущелья, узкие речонки, стремнины... Они остаются слева. Скоро посадка. Ясно видна дорога на Туэ, другая — на Довлет-Абад и третья — теряющаяся в холмах, на Сарух.

Самолет идет на посадку. Внизу, у стен города, виден кусок ровного поля с низким частоколом и белой площадкой. Это — аэродром. В стороне ангар, строения аэростанции. Юноша облегченно вздыхает, сразу же бросает свой спасительный брелок, но иранка еще крепче, вероятно, в знак благодарности, прижимает к себе уродливую, раскрашенную морду чудовища «Люлю-Хорхори».

Сорокаминутный отдых, и затем «Дуглас», уже без меня, двинется в дальнейший путь.

Мы сидим в обыкновенной базарной харчевне, глядя через стекло на шумную, переливающуюся толпу. Харчевня полна чада и людей. Аппетитные запахи жареного мяса носятся над нами. Двое поваров, весело скаля зубы и переговариваясь с гостями, без усталости жарят кебабы, чилоу и прочие деликатесы иранской кухни. Огромный, ярко

— Нам ответили, что грузы бесследно затерялись в пути.

— Безобразие! Я все время бомбардирую их рапортами о том, чтобы грузы отдали вам. Ведь у меня же места не хватает для прибывающих грузов, а тут целых двадцать восемь вагонов торчат почти пятьдесят дней.

— Как двадцать восемь? По нашим сведениям, их двадцать два, — сказал я.

— Казенных двадцать два, но ведь там еще шесть вагонов консервированного молока, бекона, сахара и шоколада для эвакуированных детей Сталинграда. Все это куплено на добровольные пожертвования граждан Нью-Йорка, восхищенных героизмом ваших солдат.

— Вот как!.. Я даже и не знал об этом.

— Как же! Эти шесть вагонов не входят в число казенных, оплачиваемых доставок, но они мне, американцу, дороже, чем весь остальной груз... Ведь это теплое рукопожатие дружеской руки, — сказал Стенли.

— Мне тоже. Я растроган, узнав об этом прекрасном, дружеском даре, — пожимая ему руку, сказал я. — И эти вагоны тоже хотели передать жандармскому управлению Ирана?

— Представьте себе, да. Но тут уж я воспротивился и написал через голову моего начальства доклад непосредственно генералу Чейзу. Я писал ему, что военные грузы управление вправе пересылать кому вздумается, но частный дар граждан Нью-Йорка не подлежит таким экспериментам.

— И что же вам ответил Чейз?

— Пока ничего, но я думаю, что ваш приезд и вызван именно моим докладом. Разве это не так? — удивился майор.

— Почти так. Генерал Чейз говорил мне о всех

менников, хотя у самих на пальцах блестят кольца из бирюзы (она считается хорошо действующим средством против сглаза и ворожбы) с вырезанными на ней словами: «омид» (надежда), «дин» (вера), «голь» (роза) и т. п. Зная все это, я не удивляюсь иранке, крепко прижимающей к себе детскую игрушку — раскрашенную куклу «Люлю-Хорхори», заменяющую ей талисман.

Синеющая вдали цепь гор. Они идут к югу, теряясь в розоватомолочной мгле, сливаясь с горизонтом. На предгорьях темнеет город. Это Султан-Абад. Он как на ладони стелется внизу. Вот далекие горы, идущие на Луристан. Другой сизый хребет тянется в сторону юга. Перевалы, горы, ущелья, узкие речонки, стремнины... Они остаются слева. Скоро посадка. Ясно видна дорога на Туэ, другая — на Довлет-Абад и третья — теряющаяся в холмах, на Сарух.

Самолет идет на посадку. Внизу, у стен города, виден кусок ровного поля с низким частоколом и белой площадкой. Это — аэродром. В стороне ангар, строения аэростанции. Юноша облегченно вздыхает, сразу же бросает свой спасительный брелок, но иранка еще крепче, вероятно, в знак благодарности, прижимает к себе уродливую, раскрашенную морду чудовища «Люлю-Хорхори».

Сорокаминутный отдых, и затем «Дуглас», уже без меня, двинется в дальнейший путь.

Мы сидим в обыкновенной базарной харчевне, глядя через стекло на шумную, переливающуюся толпу. Харчевня полна чада и людей. Аппетитные запахи жареного мяса носят над нами. Двое поваров, весело скаля зубы и переговариваясь с гостями, без усталости жарят кебабы, чилу и прочие деликатесы иранской кухни. Огромный, ярко

— Нам ответили, что грузы бесследно затерялись в пути.

— Безобразия! Я все время бомбардирую их рапортами о том, чтобы грузы отдали вам. Ведь у меня же места не хватает для прибывающих грузов, а тут целых двадцать восемь вагонов торчат почти пятьдесят дней.

— Как двадцать восемь? По нашим сведениям, их двадцать два, — сказал я.

— Казенных двадцать два, но ведь там еще шесть вагонов консервированного молока, бекона, сахара и шоколада для эвакуированных детей Сталинграда. Все это куплено на добровольные пожертвования граждан Нью-Йорка, восхищенных героизмом ваших солдат.

— Вот как!.. Я даже и не знал об этом.

— Как же! Эти шесть вагонов не входят в число казенных, оплачиваемых доставок, но они мне, американцу, дороже, чем весь остальной груз... Ведь это теплое рукопожатие дружеской руки, — сказал Стенли.

— Мне тоже. Я растроган, узнав об этом прекрасном, дружеском даре, — пожимая ему руку, сказал я. — И эти вагоны тоже хотели передать жандармскому управлению Ирана?

— Представьте себе, да. Но тут уж я воспротивился и написал через голову моего начальства доклад непосредственно генералу Чейзу. Я писал ему, что военные грузы управление вправе переадресовывать кому вздумается, но частный дар граждан Нью-Йорка не подлежит таким экспериментам.

— И что же вам ответил Чейз?

— Пока ничего, но я думаю, что ваш приезд и вызван именно моим докладом. Разве это не так? — удивился майор.

— Почти так. Генерал Чейз говорил мне о всех

советских грузах, задержанных здесь, вероятно, включая в их число и эти подарки.

Ночевал я у майора, Сеоев, быстро сдружившийся с ординарцами Стенли, расположился рядом со мной.

Наутро я ознакомился с грузами и всей документацией на них. Все было в целости и оказалось лучшего, самого высшего качества.

К вечеру пришла наша грузовая машина, и через день мы, присоединив к вагонам паровоз, медленно отошли от станции Султан-Абад, направляясь к Тегерану.

Поезд из двадцати восьми груженными товарами вагонов охранял взвод американских и шестеро советских солдат.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Спустя сутки английского пленного снова вызвали на допрос.

— Ну, как отдыхали? Как кормили вас, нет ли жалоб? — приветливо сказал полковник, показывая рукою на стул.

Англичанин сел, закурил из придвинутого к нему хозяином портсигара и, пуская колечко дыма, сказал:

— При всем желании жаловаться не могу. Кормят отлично, табаку и папирос много, вот разве только лишение свободы немного томительно.

— Что делать, что делать! — разводя руками, сказал полковник. — Печальная необходимость, но, как я вам и обещал, это продлится еще день-другой... Потерпите немного. Кстати, знаете ли вы, что господин Сайкс уже несколько дней, как выбыл из Москвы?

— Из Москвы... выбыл?... — медленно повторил Смит.

тому, что самому было любопытно знать, с кем я имею удовольствие говорить.

— ...Кстати, такого графства — Уиндзор, в Англии нет, есть королевский Виндзорский дворец и старый Уиндзорский замок, — не отвечая Смигу, сказала женщина, повернувшись к улыбающемуся полковнику.

— Неправда!.. Вы сами!.. — вскакивая с места, закричал Смит.

— Потише и спокойнее! — предупредил его полковник. — Лучше закурите и помните, что здесь вы не в кругу своих немецких друзей.

Смит зорко и внимательно глянул на говорившего и, сдерживаясь, сел на стул.

— Не можете ли вы сказать мне, как долго вы жили в Соутгемптоне? — ровным и по-прежнему тихим голосом произнесла женщина.

Смит насторожился и не сразу сказал:

— Я уже говорил, что это мой родной город и что я родился в нем.

— А что такое «Нетли»? — спросила женщина.

Смит медленно поднял на нее глаза, обдумывая ответ.

— Нетли? — переспросил он.

Женщина молча кивнула головой.

— Не припомню!.. Разве можно знать всякую мелочь!

— Нетли — это не мелочь, это большое местечко в девяти милях от города. Там живут моряки, рыбаки, и туда на регулярно отправляющихся автобусах ездят отдыхать и купаться все соутгемптонцы... если они настоящие горожане, — спокойно объяснила женщина. — И, наконец, последний вопрос. Вы сказали, что аэродром «Лайон» находится под городом Соутгемптоном, может быть... Ну, а что такое «Лайонс» и чем оно замечательно для населения?

советских грузах, задержанных здесь, вероятно, включая в их число и эти подарки.

Ночевал я у майора, Соев, быстро сдружившийся с ординарцами Стенли, расположился рядом со мной.

Наутро я ознакомился с грузами и всей документацией на них. Все было в целости и оказалось лучшего, самого высшего качества.

К вечеру пришла наша грузовая машина, и через день мы, присоединив к вагонам паровоз, медленно отошли от станции Султан-Абад, направляясь к Тегерану.

Поезд из двадцати восьми груженных товарами вагонов охранял взвод американских и шестеро советских солдат.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Спустя сутки английского пленного снова вызвали на допрос.

— Ну, как отдыхали? Как кормили вас, нет ли жалоб? — приветливо сказал полковник, показывая рукою на стул.

Англичанин сел, закурил из придвинутого к нему хозяином портсигара и, пуская колечко дыма, сказал:

— При всем желании жаловаться не могу. Кормят отлично, табаку и папирос много, вот разве только лишение свободы немного томительно.

— Что делать, что делать! — разводя руками, сказал полковник. — Печальная необходимость, но, как я вам и обещал, это продлится еще день-другой... Потерпите немного. Кстати, знаете ли вы, что господин Сайкс уже несколько дней, как выбыл из Москвы?

— Из Москвы... выбыл?... — медленно повторил Смит.

тому, что самому было любопытно знать, с кем я имею удовольствие говорить.

— ...Кстати, такого графства — Уиндзор, в Англии нет, есть королевский Виндзорский дворец и старый Уиндзорский замок, — не отвечая Смиуту, сказала женщина, повернувшись к улыбающемуся полковнику.

— Неправда!.. Вы сами!.. — вскакивая с места, закричал Смит.

— Потихе и спокойнее! — предупредил его полковник. — Лучше закурите и помните, что здесь вы не в кругу своих немецких друзей.

Смит зорко и внимательно глянул на говорившего и, сдерживаясь, сел на стул.

— Не можете ли вы сказать мне, как долго вы жили в Соутгемптоне? — ровным и по-прежнему тихим голосом произнесла женщина.

Смит насторожился и не сразу сказал:

— Я уже говорил, что это мой родной город и что я родился в нем.

— А что такое «Нетли»? — спросила женщина.

Смит медленно поднял на нее глаза, обдумывая ответ.

— Нетли? — переспросил он.

Женщина молча кивнула головой.

— Не припомню!.. Разве можно знать всякую мелочь!

— Нетли — это не мелочь, это большое местечко в девяти милях от города. Там живут моряки, рыбаки, и туда на регулярно отправляющихся автобусах ездят отдыхать и купаться все соутгемптонцы... если они настоящие горожане, — спокойно объяснила женщина. — И, наконец, последний вопрос. Вы сказали, что аэродром «Лайон» находится под городом Соутгемптоном, может быть... Ну, а что такое «Лайонс» и чем оно замечательно для населения?

— Господин офицер, я просто не хочу отвечать этой особе. Меня возмущают подобного рода ловушки и инквизиторские приемы... — сказал Смит.

— Почему же? Наоборот, это в ваших интересах, и правильные ответы на вопросы этой дамы только помогут вам доказать, что вы англичанин Смит из Соутгемптона, а не... — полковник сделал паузу и добавил: — ведь господина Сайкса нет, он в Иране, никто же другой в миссии не знает вас и не берется подтвердить ваше британское происхождение.

— Хорошо! Лайон, как известно, означает «Лев», а «Лайонс» — «Львы», — так называют себя летчики нашего аэродрома, улетающие бомбить немцев. Это несколько романтично, но это так... — гордо сказал Смит, откидываясь на стуле.

— Мой «Лайонс» более прозаичен, — сказала женщина, — и каждый соутгемптонец знает, что означает это слово. «Лайонс» — это фирма, которой принадлежат все недорогие многочисленные ресторанчики города и провинции. Больше трех четвертей небогатого населения обедают, завтракают и ужинают в них. Каждый средний англичанин, а значит и любой офицер, хотя бы раз в день, но забежит в «Лайонс» выпить кружку эля или имбирного пива и съесть кусок мяса или пирога с зеленью и яйцами. «Лайонс» охватил своей сетью не только Соутгемптон, но даже Лондон и ряд других городов. Это богатейшая фирма, и каждый англичанин знает ее. Этот господин, вероятно, бывал в Англии, возможно, даже закусывал в одном из этих ресторанчиков, о фирме которого он и не слышал. Он, конечно, не соутгемптонец и не англичанин, а судя по своеобразному произношению некоторых слов, или чех или поляк.

При этих словах Смит вздрогнул и, сдерживая волнение, улыбнулся, покачивая головой.

— Благодарю вас. Я не имею больше вопросов,— любезно сказал полковник. Женщина встала, поклонилась и вышла из кабинета.

— Неправда ли, как странно,— обратился полковник к Смиту,— что вы, соутгемптонец, ошиблись в таких простых вещах?

Смит молчал.

— Тогда продолжим игру. Старшина! — крикнул полковник.— Введите следующего.

Смит снова глянул на дверь. В комнату вошел один из офицеров штаба 4-й армии, захваченный в Гвоздинце. Немец вытянулся и вежливо наклонил голову, глядя на Смита, который сумрачно отвернулся от него.

— Присядьте на стул,— сказал полковник.

Пленный поклонился и сел возле Смита.

— Ваше имя, звание и должность в штабе четвертой германской армии? — спросил полковник.

— Барон Гергардт фон Шенк. Майор, помощник начальника второго отдела.

— Что это за отдел?

— Разведывательный,— почтительно доложил немец.

— Вы подтверждаете ваши ранее данные показания относительно этого человека, именующего себя Смитом?

— Так точно!.. Подтверждаю и даже могу уточнить.

Смит отодвинулся и злобно глянул на немца.

— Тогда прошу повторить их,— коротко сказал полковник, внимательно глядя на Смита.

— Этот человек был недели две или три назад переброшен из-за фронтовой линии в расположение двадцать первого армейского корпуса, откуда направлен к нам для дачи точных данных о дислокации польских и советских войск, входящих в состав советского Западного фронта.

— Откуда он был переброшен и кем?

— Из местечка Зворки, находящегося возле города К., а кем — не знаю. Смит числился за Берлином, и мой покойный шеф, полковник Фишер...

— Убитый в Гвоздинце?

— Так точно! Мой покойный шеф лично вел беседы с этим человеком и, обходя отдел, непосредственно сносился с Берлином.

— С кем персонально?

— С...— пленный засмеялся.

— Я жду! — сказал полковник.

— С Нахрихтенбюро.

— Точнее? — сказал полковник.

— С главнокомандующим войсками СА и СС, его высокопревосходительством Гиммлером,— тихо сказал майор.

— Значит, человек этот важная особа?

— Конечно! За всю мою деятельность в разведке я второй раз встречаю человека, который, обходя нас, имел непосредственную связь с Берлином. Повторяю, нам было приказано получить от этого господина только информацию о польских и советских войсках: их численности, дислокации, вооружении, боеспособности. Ни о чем другом мы не имели права расспрашивать его.

— Как вы думаете, почему?

— Вероятно потому, что главная его ценность в другом.

— В чем же?

— Не знаю! Здесь я могу впасть в ошибку и увлечь за собою и вас. Он перед вами, вы знаете, что он не немец и не англичанин. Остальное уже ваше дело, господин офицер,— твердо сказал майор.

— Ну-с, Сми-ит! Вы слышали, что говорил о вас майор фон Шенк, которому по его должно-